

Л.И. Головачёва

Севастополь

Конфуций поистине непрост

1. Истоки представлений о Конфуции

Наши представления о Конфуции основаны на сведениях, почёрпнутых преимущественно при чтении «Лунь юй». Ныне это обычно означает чтение перевода данного памятника на современный китайский или другие языки мира. При этом нередко голос переводчиков заглушает голос Конфуция, и это не остаётся без последствий для тех, кто желает ознакомиться с учением Конфуция. «Понятный» текст переводов превращает учение Конфуция в нечто плоское, пресное и очень примитивное. Поэтому некоторые люди (начиная от Гегеля и кончая современными китайскими учёными) считают, что Конфуций вообще-то не был философом, лучше называть его «великим мыслителем», «великим педагогом». В то же время, было бы ошибочным думать, что голос Конфуция слышат те, кто читает канонический текст «Лунь юй» в оригинале – ведь он также является переводом, только выполненным более двух тысяч лет назад. История канонического текста начинается с периода Западной Хань. Сожжение книг при Цинь и в междоцарствии Цинь–Хань образовало огромную пропасть на пути древнекитайской письменной культуры. Что находилось на её доциньском краю, мы можем только предполагать. Хотя недавние археологические находки в Гоцзяне протянули тонкую ниточку связи с доциньским периодом письменной культуры Китая, адекватно воспринять содержащуюся в них новую информацию и тем самым несколько приблизиться к пониманию «сокровенных речей» (*вэйянь*) Конфуция весьма непросто. По словам Бань Гу, их секрет был утрачен со смертью его последних учеников. И чтобы совершить реконструкцию «сокровенных речей», нужно, прежде всего, верить, что Конфуций не был так прост, как мы о нём сейчас думаем.

2. Две гипотезы

В результате многих лет изучения «Лунь юй» мною выдвинуты две гипотезы в качестве базы нового подхода к изучению доциньских текстов. Этот новый подход я называю «пре-синологией».

© Головачёва Л.И., 2010

Гипотеза первая. Вплоть до 213 г. до н.э., все иероглифы употреблявшиеся для письма в многочисленных государственных образованиях на территории Древнего Китая, представляли собой изобразительные знаки. Однако с глубокой древности они могли означать не только слова для вещей, которые этими знаками изображались, но и их омонимы. В период Чуньцю–Чжаньго многие понятия новорождённой философии и истории не могли быть «нарисованы». Но для их письменной фиксации не существовало иных средств, кроме пиктограмм и идеограмм. Поэтому изобразительные знаки всё чаще употреблялись для обозначения звучания слов. Впоследствии используемые в такой роли знаки получили название «заимствованных знаков» (*цзя цзе цзы*)¹. В период Чуньцю–Чжаньго с помощью «заимствованных знаков» были записаны все классические каноны. Из-за различий местных языков в различных государствах значения «заимствованных знаков» не могли быть понятными повсеместно. Но после образования на территории Древнего Китая первой единой империи насущной необходимостью для управления ею стало создание общепонятного письма. Проект реформы письма был тщательно разработан задолго до возникновения империи. Планировалось ввести в иероглифы, использовавшиеся на территории царства Цинь (в том числе использовавшиеся в качестве «заимствованных знаков») добавочные элементы («радикалы», «ключи»). Ключи (а это были всё те же старые пиктограммы) предназначались для указания на область значений, к которой принадлежит «означаемое» иероглифа. А «старая» часть знака, как и прежде, указывала на его звучание. Поэтому в разных местах империи новый иероглиф мог читаться по-разному, но его значение было уже фиксировано его значением в местном языке царства Цинь и не могло изменяться. Реформой письма 213 г. до н.э. в китайское письмо была официально введена категория идеофонограмм. Это означало не только введение в употребление «общепонятного» (государственного) письма, но и установление общегосударственного бюрократического языка. Реформа письма встретила упорное сопротивление на местах. Цинь Шихуан решил дело насилем: старое письмо погубило в огне костров, а грамотеи, которые оказывали сопротивление реформе, были казнены. Через несколько десятилетий, когда новая династия Хань начала собирать доциньские классические тексты, единственной возможностью сделать это оказалась новая перепись текстов со слов тех, кто знал их наизусть. Перепись велась с помощью пореформенных знаков, большинство их составляли идеофонограммы. Писцы редко понимали значение записываемого и использовали идеофонограммы по собственному разумению. Фактически идеофонограммы играли роль вторичных заимствованных знаков и фиксировали главным образом фонетическую сторону того, что передавалось на местном языке.

Гипотеза вторая. Современные китайские грамматологи и зарубежные синологи отрицают возможность существования текстов, исполненных заимствованными знаками. Их аргументация основана на твёрдой уверенности в том, что такие тексты являются практически нечитаемыми. Пре-синология выдвигает иную точку зрения. Так как в доциньский период любой иероглиф мог использоваться в качестве заимствованного

знака, авторы текстов использовали структуру текстов для ограничения значений знаков, в них употребляемых. Те, кому тексты адресовались, должны были иметь указания относительно особенностей их строения, чтобы понять содержание. Такие указания (ключ к прочтению) могли передаваться только внеписьменным путём.

3. Реконструкция замысла «Лунь юй»

Игнорирование структуры и неадекватное использование идеофонограмм в процессе переписи доциньских текстов в период Хань превратило их в нечто зачастую несвязное или даже совершенно непонятное. Тем не менее, если предположить, что целостность текстов сохранена, их реконструкция остаётся возможной. Так, в период Западной Хань были произведены две реконструкции «Лунь юй», обе основывались на идентификации части иероглифов как заимствованных знаков при полном игнорировании структуры текста.

В первом случае это произошло после находки текстов на дореформенном «головастиковом письме» в стене дома Конфуция. Даже эрудит Кун Аньго, потомок Конфуция, которому были переданы тексты, не мог понять, что именно было найдено «в стене». Лишь после того, как в его руки попал текст «Шу цзин», переписанный новым письмом с изустного изложения, он осознал, что один из текстов «из стены» является параллельным ему текстом. И тогда же он понял, что древнее «головастиковое письмо» передаёт звучание слов. На базе звучания знаков в одном из непонятных текстов «из стены» он распознал содержание «Лунь юй». Используя язык современной науки, мы можем сказать, что текст на древнем письме сыграл для «Древнего Лунь юя» (Гу лунь) роль «константной реальности», в то время как «порождённый» им более внятный текст может быть назван «виртуальной реальностью». То есть «письмо из стены» породило в сознании Кун Аньго «виртуальную реальность», которая, в свою очередь, породила её интерпретацию («Гу лунь» на новом письме) как «вторичную константную реальность».

Во втором случае в период Хань на территории бывших царств Лу и Ци были переписаны два текста «Лунь юй», устно передававшихся двумя разными школами. Согласно позднему письменному источнику, тексты имели разное число глав и различались большим числом иероглифов. Позднее Чжан Юй, который изучал Луский «Лунь юй» («Лу Лунь») и Циский «Лунь юй» («Ци Лунь») у учителей обеих школ, составил единый текст «Лунь юй», встреченный учёными его времени с большим одобрением. Два исходных текста единого «Лунь юй» после этого перестали использоваться и исчезли. Учёные более поздних времён (ни один из которых исходных текстов не видел) обвиняли Чжан Юя в разрушении ценного исторического источника, поскольку его единый текст был построен только на основе Лу Лунь, в результате чего вся иная информация, содержащаяся в Ци Лунь, была утрачена. Пре-синология предлагает иное объяснение факта составления единого текста. Чжан Юй учился у учителей двух школ, это говорит о том, что он знал два разных местных диалекта. Поэтому он мог понять, что Лу Лунь и Ци Лунь – это

не два разных текста, а два параллельных текста на разных диалектах. А если два исходных текста были параллельными, Чжан Юю не было необходимости выбрасывать какие-то их части для образования единого текста. Он только сравнил предполагаемые значения заимствованных знаков в двух текстах и выбрал лучшие варианты, чтобы сделать единый текст относительно понятным. Учёные его времени были удовлетворены тем, что единый текст помог им понять значения иероглифов в тех текстах, которые были им почти совершенно непонятны. И позднее у желающих изучать «Лунь юй» уже не было необходимости изучать тексты, предшествовавшие единому. Выйдя из употребления, исходные тексты быстро исчезли. Позже Чжэн Сюань сличил текст Чжан Юя с текстом Гу Лунь (на новом письме). С тех пор текст «Лунь юй» считается установленным. Под его внешностью, как и прежде, сохраняется его «виртуальный» текст. Проблема заключается в том, как извлечь его из классической формы константной реальности и сделать какие-то шаги вперёд в превращении его в форму «вторичной константной реальности».

4. «Цельность, пронизанная Единым» и структурный подход

Шаг первый. Исходя из первой пре-синологической гипотезы я обнаружила сюжет, пронизывающий весь текст «Лунь юй». Конфуций избрал ритуал, который использовал в своей школе как модель связи Неба и человека. Ритуал состоял в том, чтобы, отслеживая движение стрелки солнечных часов (時 *ши*), не спускать глаз с солнца (咨日 *цзы жи*). Так ученики школы осваивали принцип взаимности: чтобы получить милость от солнца (в форме солнечного света) нужно всегда точно сохранять положение «лицом к лицу» (中如 *чжун жу*). Чтобы не потерять солнце из виду, нужно поворачиваться за ним вслед, по правилу «восполнения источника» (尔躬 *эр гун* = 弥穷 *ми цюнь*) исключая запоздания (遲 *бу*) и поспешность (逸 *и*). В следовании солнцу человек, привыкший во всём плохом, что с ним случается, винить окружающих, вдруг обнаруживает, что потеря солнца из виду зависит исключительно от него самого. Очевидность собственной вины пробуждает в человеке совесть (仁 *жэнь*). А высшая цель воспитания в школе Конфуция как раз и состояла в том, чтобы пробудить совесть и научить следовать её императиву, избегая ощущения вины благодаря своевременному исправлению своих ошибок. Исправление ошибок в слежении солнца помогало человеку вырабатывать в себе такие высокие качества, как собранность (中 *чжун*), ответственность (如 *жу*) цельность (政 = 整 *чжэнь*) и тонкость (文 *вэнь*).

Сюжет с солнечными часами, обнаруженный на основе первой гипотезы, во многом определил направление исследования содержания памятника: мы узнали, что Конфуций вразумлял учеников с помощью «Небесного ориентира».

Шаг второй. Коммуникативная теория текста утверждает, что в древних текстах межфразовая связь обычно поддерживалась способом рекуррентности, то есть повторением слов в местах соединения текстовых кортежей. Однако рекуррентность крайне редко встречается в тексте «Лунь юй». В то же время в подлинных доциньских текстах, найденных недавно в

Гоцзяне, рекурренция присутствует, но обычно повторение слов обозначается подчёркиванием повторяемого знака двумя черточками. Это обстоятельство наводит на мысль, что в «Лунь юй» рекурренция, возможно, тоже существует, хотя и не обозначена никакими специальными знаками. А это означает, что классический текст «Лунь юй» является на самом деле «свёрткой», которую следует «развернуть», чтобы обнаружить в ней внутреннюю связь. Мне вспомнились слова Сыма Цяня из «Исторических записок» о том, что когда Конфуций писал «Вёсны и Осени», он «сокращал текст, убирая надоедливые повторы». Учёные обычно понимают это так, что Конфуций «редактировал» некоторые части древних хроник, использовавшихся им в процессе создания «Вёсен и Осеней». Вряд ли такое «редактирование» заслуживало бы специального упоминания, если бы дело было именно в сокращении «надоедливых длиннот». По моему мнению, под «надоедливими повторами» подразумевалась рекурренция в межфразовых коннекторах. Я предполагаю, что сокращение рекурренции производилось не с целью сокращения объема текста, а с целью придать константной реальности «Лунь юй» форму, удобную для заучивания текста наизусть.

5. Сколько виртуальных текстов?

Когда реконструкция рекурренции в определённой части текста «Лунь юй» была мною проделана, я обнаружила, что две повторяющиеся части коннекторов в кортежах, которые ими соединяются, могут иметь разные значения. Это напомнило мне о приёме под названием «антанаклас», часто использовавшемся в культурах с фонетическим письмом: игре слов с омонимией двух частей рекуррентного коннектора. «Антанаклас» привёл меня к следующей догадке: омонимами могут быть не только повторяющиеся части коннекторов, но и другие части кортежей в их роли заимствованных знаков могут иметь другие значения. В свою очередь, это может означать, что константной реальности «Лунь юй», возможно, соответствует не один «виртуальный текст», а несколько «виртуальных текстов» с одинаковым звучанием. Число виртуальных текстов связано с числом иероглифов в кортеже и не может быть случайным. После серии экспериментов я пришла к выводу, что в кортеже должно быть пять знаков. Если мы вспомним о Пяти Первоэлементах» (*у син*) как об основе строения мира, появление этого числа в «Лунь юй» оказывается естественным. Пятичленный кортеж является гибким и очень продуктивным, пять знаков, поделённые надвое двумя разными способами могут образовать два типа структуры фразы:

X X X	X X
X X	X X X

Если предположить, что каждый заимствованный знак имеет по меньшей мере два значения, все сочетания пяти знаков и двух структур кортежа могут быть исчерпаны в четырёх виртуальных текстах.

Разумеется, ученики Конфуция имели перед собой только один текст. Но их учебное задание состояло в том, чтобы увидеть в нём разные содержания, то есть найти разные виртуальные тексты. Если в процессе

этого оригинального тренинга мышления их посещали озарения, у них не было возможности превратить виртуальные тексты во «вторичную константную реальность» с помощью письма. Проверить, были их озарения правильны или нет, они могли только в устных беседах с Учителем. Поэтому структуры, которые мы предлагаем сегодня, только наши гипотезы. Благодаря важным отличиям современного китайского письма от древнего мы сейчас имеем средства для превращения виртуальной реальности «Лунь юй» во «вторичную константную реальность», которую можно увидеть и «потрогать». А прежний единый текст «Лунь юй» оказывается в результате этой процедуры как бы отодвинутым на второй план. Однако, если нам удастся найти полностью сбалансированную структуру блока четырёх текстов, ощущение единого текста не будет потеряно. В правильно структурированном блоке из четырёх текстов при чтении его в любом направлении получается связное содержание.

6. Общая модель структуры

Я предполагаю, что в «Лунь юй» существует общая модель, или единица структуры текста, и мы можем обнаружить её, анализируя любой фрагмент памятника. Попробуем проделать это, развёртывая первый фрагмент первой главы в пятичленные кортежи:

子曰: 学而时 / 时习之不亦 / 亦说乎有朋 / 朋自远方来 / 来不易乐乎 / 乎人不知而 / 而不愠不亦 / 亦君子乎有 /

Такой способ разбивки текста разрушает не только его традиционную разбивку, но и все грамматические связи, идентифицированные в нём традицией. Однако более чем две тысячи лет назад традиция не распознала текст как «свёртку». И, естественно, результат традиционной науки не может быть тем же самым, что и в нашем нынешнем исследовании, потому что «свёртка» с её грамматической структурой и разбивкой представляет собой иной текст. Приняв это во внимание, продолжим следовать нашей линии и представим вниманию учёных четыре текста «константной реальности», которые были порождены четырьмя виртуальными текстами первого фрагмента «Лунь юй» (в скобках приведены иероглифы традиционного текста и их традиционные чтения):

A1 子曰削 <i>сяо, сюэ</i> (學 <i>сюэ, сяо</i>) 彌 <i>ми</i> (而 <i>эр</i>) 詩 <i>ши</i> (時 <i>ши</i>) Я всё более <i>прихожу в упа-</i> <i>док,</i> <i>восполняя то,</i> <i>что удерживаю</i> <i>в руках.</i>	B1 子 曰 <i>жи</i> (曰 <i>юэ</i>) 削 <i>сяо, сюэ</i> (學 <i>сюэ, сяо</i>) 弭 <i>ми</i> (而 <i>эр</i>) 詩 <i>ши</i> (時 <i>ши</i>) У тебя <i>ныне</i> <i>прижимистость</i> <i>ослабляет сдер-</i> <i>жанность</i>	C1 咨 <i>цзы</i> (子 <i>цзы</i>)曰 <i>жи</i> (曰 <i>юэ</i>) 學 弭 <i>ми</i> (而 <i>эр</i>) 持 <i>чи</i> (時 <i>ши</i>) <i>Сообразование с</i> <i>солнцем</i> <i>учит два конца</i> <i>уравновешивать</i>	D1 咨 <i>цзы</i> (子 <i>цзы</i>) 曰 學 彌 <i>ми</i> (而 <i>эр</i>) 持 <i>чи</i> (時 <i>ши</i>) По мере того, как учишься <i>сообразованию,</i> <i>восполняется</i> <i>равновесие.</i>
A2 持 <i>чи</i> (時 <i>ши</i>) 習 <i>си</i> (習 <i>си</i>) 之	B2 持 <i>чи</i> (時 <i>ши</i>) 希 <i>си</i> (習 <i>си</i>)	C2 時 <i>ши</i> 治 (之)	D2 時 <i>ши</i> 治 (之) 補 <i>бу</i> (不 <i>бу</i>)

<p>補 бу (不 бу) 溢 и (亦 и) Равновесие возобновляю, пополняя излишки</p>	<p>之 通 бу (不 бу) 溢 и (亦 и) Выравнивание равновесия приносит избегание излишеств (умеренность)</p>	<p>通 бу (不 бу) 逸 и (亦 и) Выравнивание по солнечным часам сдерживает медлительность и торопливость (налаживает избегание потерь)</p>	<p>逸 и (亦 и) Постоянное совершенствование в сдержанности компенсирует потери</p>
<p>A3 逸 и (亦 и) 說 互 ху (乎 ху) 友 ю (有 ю) 盟 мэн (朋 пэн) В потерях вино- вато присоеди- нение к дружескому союзу/помощи/</p>	<p>B3 逸 и (亦 и) 約 юэ, яо (說 шо, юэ, шуй, то) 互 ху (乎 ху) 由 ю (有 ю) 盟 мэн Потери ограни- чивает взаимное выравни- вание союзников</p>	<p>C3 溢 и (亦 и) 約 юэ, яо (說 шо, юэ, шуй, то) 乎由 ю (有 ю) 蒙 мэн (朋 пэн) Излишество обуславливает затмение ориенти- ра (пренебрежение выравниванием)</p>	<p>D3 溢 и (亦 и) 說 乎 友 ю (有 ю) 蒙 мэн (朋 пэн) Излишество объясняется пренебрежением /помощью/ друзь- ям</p>
<p>A4 蒙 мэн (朋 пэн) 資 цзы (自) 原 юань (遠 юань) 放 фан (方 фан) 徠 лай (來 лай) Прикрывает источник помощи вознаграждение за оказание бла- годетелей</p>	<p>B4 蒙 мэн (朋 пэн) 自 原 юань (遠 юань) 方 徠 лай (來 лай) Обманываешь себя, причиняя нарушение воздаяния</p>	<p>C4 明 мин (朋 пэн) 自 遠方 賴 лай (來 лай) Собственное про- светление устраняет обвине- ние партнёров</p>	<p>D4 明 мин (朋 пэн) 資 цзы (自 цзы) 遠 放 фан (方 фан) 賴 лай (來 лай) Понимаешь, что помощь устраняет отказ от оказа- ния благодарностей</p>
<p>A5 賴 лай (來 лай) 補 бу (不 бу) 溢 и (亦 и) 約 юэ, юэ (樂 яо, юэ) 乎 Пополнение из- лишков выгоды ограничивается</p>	<p>B5 賴 лай (來 лай) 通 бу (不 бу) 溢 и (亦 и) 樂乎 Выгода уходит из-за того, что наслаждаешься излишеством</p>	<p>C5 徠 лай (來 лай) 通 бу (不 бу) 逸 и (亦 и) 樂互 ху (乎 ху) При уклонении от воздаяния теряешь радость взаимности</p>	<p>D5 徠 лай (來 лай) 補 бу (不 бу) 逸 и (亦 и) 約 юэ, юэ (樂 яо, юэ) 互 ху (乎 ху) Воздаяние, ком- пенсирова потери, стягивает объе- динившихся в одно целое</p>
<p>A6 互 ху (乎 ху) 人</p>	<p>B6 互 ху (乎 ху) 任</p>	<p>C6 乎任 жэнь</p>	<p>D6 乎人通 бу (不 бу)</p>

<p>通 бу (不 бу) 治 чжи (知 чжи) 弭 ми (而 эр) Уклонение от союза с другими сдерживает ослабление</p>	<p>жэнь (人 жэнь) 通 бу (不 бу) 知 弭 ми (而 эр) Взаимная ответственность уносит чувство ослабления</p>	<p>(人 жэнь) 補 бу (不 бу) 知 邇 эр (而 эр) Ответственность поддерживает чувство близости</p>	<p>治 чжи (知 чжи) 邇 эр (而 эр) У людей исчезает подавление близости</p>
<p>A7 邇 эр (而 эр) 通 (不 бу) 蘊 юнь (慍 юнь) 通 бу (不 бу) 逸 и (亦 и) Уклонение от близости подразумевает уклонение от потерь</p>	<p>B7 邇 эр (而 эр) 補 бу (不 бу) 蘊 юнь (慍 юнь) 補 бу (不 бу) 逸 и (亦 и) Поддержание близости подразумевает компенсирование потерь</p>	<p>C7 彌 ми (而 эр) 補 бу (不 бу) 扞 юнь (慍 юнь) 補 бу (不 бу) 溢 и (亦 и) Восполнение поддерживает прекращает пополнение излишеств</p>	<p>D7 彌 ми (而 эр) 通 (不 бу) 扞 юнь (慍 юнь) 通 бу (不 бу) 溢 и (亦 и) Восполнение устраняет лишения, устраняя излишества</p>
<p>A8 已 и (亦 и) 窘 цзюнь (君 цзюнь) 子 乎友 ю (有 ю) Прекращают истощать меня друзья</p>	<p>B8 已 и (亦 и) 均 цзюнь (君 цзюнь) 子互 ху (乎 ху) 友 ю (有 ю) Потому что гармонизируется твой союз с друзьями</p>	<p>C8 亦均, цзюнь (君 цзюнь) 咨 цзы (子 цзы) 互 ху (乎 ху) 由 ю (有 ю) В результате налаживается сообразование со взаимным выравниванием</p>	<p>D8 亦 窘 цзюнь (君 цзюнь) 咨 цзы (子 цзы) 乎由 ю (有 ю) То есть истощающееся сообразуется с источником (конец сообразуется с началом)</p>

Первые знаки пятичленных кортежей составляют акrostих:

АКРОСТИХ 子时亦朋來乎而亦			
子持逸蒙 賴互邇已	子持逸 蒙賴互邇已	咨时益明 徠乎彌亦	咨时益明 徠乎彌亦
Приобретённого потери претерпеваю, поэтому отказываюсь от сближения с союзниками	Ты равновесие теряешь, потому что не понимаешь выгод взаимной близости	При сообразовании с солнечными часами прибавление света происходит в результате восполнения	Сообразование с солнечными часами умножает понимание, что воздаяние – результат восполнения

В едином тексте фрагмента, который порождён четырьмя виртуальными текстами и может характеризоваться как «вторичная константная

реальность», если его читать в вертикальном направлении, первая колонка представляет собой монолог некоего ученика, а три других колонки – ответ Конфуция. Содержание всех четырёх колонок связанное, а структура текста – кольцевая. Последний кортеж (D8) объясняет характерную черту кольцевой структуры: текст кончается тем же иероглифом, которым начинается². При чтении в горизонтальном направлении текст оказывается более интересным. Четыре кортежа (кортежи вторичной константной реальности), прочтённые по горизонтали, представляют собой живой диалог Конфуция и ученика о жизни и связи Неба и человека. Содержание и структура каждой пары горизонтальных строк диалога тесно связаны.

7. Структурная единица «Лунь юй»

Анализируя первый фрагмент «Лунь юй», мы обнаруживаем единицу его структуры, которая представляет собой развёртку сокращённого кортежа классического текста. «Сокращённый кортеж» в качестве константной реальности порождает четыре пятичленных виртуальных кортежа. Виртуальные кортежи, в свою очередь, порождают четыре пятичленных кортежа константной реальности. Блок четырёх кортежей образует «строку», которая и является настоящей структурной единицей, структурным кирпичиком «Лунь юй». Число «строк» во «фрагменте» определяется завершённостью его кольцевой структуры: первый и последний иероглиф в колонке фрагмента должны совпадать. Четыре части каждой «строки» строятся соответственно двум структурным моделям, а каждый из пяти знаков в «строке» имеет два разных значения. Распределение иероглифов с разными значениями внутри «строки» происходит по следующему правилу: (Буква А представляет первое значение знака в двух структурах, буква В – второе):

I	II	III	IV		I	II	III	IV
А	А	В	В		А	А	В	В
А	В	В	А		А	В	В	А
А			В			А	В	
	А	В		или	А			В
А	В	В	А		А	В	В	А
А	А	В	В		А	А	В	В

Если обозначить смену значений знаков в соседних столбцах через X, а неизменность значений через I I, сбалансированность структуры будет ясно видна:

II	X	II
X	II	X
II	X	II
X	II	X
II	X	II

8. Можно ли результаты нашего исследования экстраполировать на текст «Лунь юй» в целом?

Ответ на этот вопрос могут дать только дальнейшие текстологические исследования по «Лунь юй». Однако развёртка одного его фрагмента показывает нам, что философия Конфуция не является примитивной. Вернее сказать, что Конфуций поистине непрост!

Примечания

¹ Означаемые заимствованные знаки обычно не имели связи с их первоначальными значениями, но они были омонимами. Другой особенностью доциньского письма было то, что знаки с различными значениями и различными звучаниями могли заменять друг друга, если имели определённое сходство в написании. Возможность такой взаимозамены была замечена Сюй Шэнем, одним из составителей древнекитайского словаря «Шо вэнь цзе цзы». Сюй Шэнь выделил их в отдельную категорию и назвал «видоизменёнными знаками» (*чжуан чжу цзы*). Вплоть до нынешнего времени китайские грамматологи и зарубежные синологи не могут прийти к общему мнению относительно того, что это название означает и почему такие замены могли существовать. В синологии роль «видоизменённых знаков» и масштабы их использования практически не изучены. Здесь мы приводим лишь несколько примеров таких замен, часто встречающихся в «Лунь юй»: *уи* 隹 вместо *ри* 日; *уи* 已 вместо *жи* 己; *юи* 友 вместо *фан* 反; *суо* 所 вместо *ке* 可 и т.д.

² С этой точки зрения восемь строк, в которые развёрнут первый фрагмент, не представляют всего объёма начального текстового блока «Лунь юй». Цельный блок должен включать первый и второй фрагменты «Лунь юй» и первый иероглиф (*зи* 子) из его третьего фрагмента.